

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Аннотация: в статье рассматривается эволюция учения об объекте преступления в Уголовном праве России. Даются предложения по совершенствованию теории объекта преступления в современной отечественной уголовно-правовой доктрине.

Annotation: in article doctrine evolution about object of a crime in Criminal law of Russia is considered. Offers on perfection of the theory of object of a crime in modern domestic criminally-right doctrine are given.

Ключевые слова: объект преступления, учение об объекте преступления.

Значение объекта преступления как элемента состава преступления в рамках классической теории состава преступления в основных чертах сводится к следующему:

а) Объект преступления – необходимая составная часть любого состава преступления. Отсутствие объекта разрушает конструкцию любого состава и делает невозможным квалифицировать деяние как преступление.

в) Объект преступления имеет принципиальное значение для кодификации уголовного законодательства. По признаку родового объекта преступления строится Особенная часть УК РФ.

г) Правильное установление объекта преступления позволяет отграничить преступление от других правонарушений и аморальных проступков. Кроме того, при явной малозначительности реального или возможного вреда какому-либо благу, даже охраняемому уголовным правом, не может идти речь о преступлении (ч. 2 ст. 14 УК Малозначительное деяние), так как объект не претерпевает того ущерба, который предполагается от преступления.

д) Объект преступления позволяет определить характер и степень общественной опасности преступного деяния, то есть какому именно социально значимому благу, охраняемому уголовным законом, и в какой степени причинен или мог быть причинен вред.

е) Объект преступления имеет важное, а иногда и решающее значение для правильной квалификации деяния и отграничения одного преступления от другого. Например, диверсия и терроризм – ст. 281 и 205 УК РФ.

В общем объект преступления можно определить как «то, на что посягает преступление, то, чему преступление причиняет ущерб». Однако конкретное содержание того, на что посягает преступление, остается дискуссионным.

Эволюция взглядов на объект преступления в науке уголовного права. Говоря об объекте преступления, необходимо отметить тот факт, что учение об объекте преступления за период своего развития пережило множество разнообразных теорий, объясняющих то, что такое объект преступления. Разработке понятия и исследованию содержания объекта преступления посвящали свои работы такие известные дореволюционные теоретики-юристы, как В.Д. Спасович, А.Ф. Кистяковский, Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев, В.М. Хвостов.

Как правило, авторами, которые посвящают свои работы вопросам эволюции учения об объекте преступления, указывается, что в середине позапрошлого столетия была довольно распространенной так называемая нормативистская теория объекта преступления, базирующаяся на формальном определении преступления. Согласно этой теории преступление суть нарушение нормы права, следовательно, правовая норма и есть объект преступления, т.е. то, на что посягает преступное деяние. Обычно к представителям данной теории относят Н.С. Таганцева,

однако вот эта цитата недвусмысленно указывает на то, что это не так: «Если мы будем в преступлении видеть только посягательство на норму, будем придавать исключительное значение моменту противоправности учиненного, то преступление сделается формальным, жизненепригодным понятием, напоминающим у нас воззрения эпохи Петра Великого, считавшего и мятеж, и убийство, и ношение бороды, и срубку заповедного дерева равно важными деяниями, достойными смертной казни, ибо все это виноватый делал, одинаково не страшась царского гнева»¹⁹. Думается, что представлять в качестве сторонника теории автора, который ее открыто критикует и высмеивает, абсурдно.

Авторы юридической энциклопедии начала 20 века, определяя объект преступления, отмечали: «объектом или предметом, на который направляется преступление, являются те или иные жизненные блага; что когда нарушено какое-нибудь жизненное благо – и есть преступление. Но такое определение объекта преступления было бы неполно... Чтобы было преступление, необходимо не только причинить вред тому или иному благу; нужно еще, чтобы это благо было защищено уголовным законом. Таким образом, объектом или предметом преступления называются: а) тот или иной жизненный интерес; и б) норма права, которая его охраняет». Т.е. и в этом определении в качестве объекта преступления указывается на первом месте жизненный интерес, а не норма права. Можем предположить, что это связано с развитием социологической школы уголовного права как раз во второй половине 19 в. Именно с положениями этого направления в теории уголовного права связывают развитие представлений об объекте преступления как общественных отношений».

Помимо нормативистской в 19 в. существовала и теория субъективного права как объекта преступления. Этой теории придерживался, в частности, В.Д. Спасович, автор первого в России учебника по уголовному праву. Он указывал, что преступление представляет собой противозаконное посягательство на чье-либо право, столь существенное, что государство, считая это право одним из необходимых условий общежития, при недостаточности других охранительных средств, ограждает ненарушимость его наказанием. Это преступное деяние должно содержать посягательство на известные общественные отношения. Содержанием же этих общественных отношений В.Д. Спасович считал субъективные права и юридические обязанности. Он писал: «Преступление есть посягательство на чье-либо право, а так как всякому праву в одном лице соответствует известная обязанность в других лицах, то преступление можно бы иначе назвать: отрицание известной обязанности. Юридическое право и юридическая обязанность всегда предполагают соотношение между двумя, по крайней мере, лицами»²⁰. Подобной точки зрения придерживались П.Д. Калмыков, Д.А. Дриль.

Эта позиция также была подвергнута критике Н.С. Таганцевым, который отмечал в связи с этим, что «посягательство на субъективное право составляет не сущность, а только средство, путем которого виновный посягает на норму права, на которой покоится субъективное право. Право в субъективном смысле в свою очередь представляет отвлеченное понятие, как и норма, а потому само по себе, по общему правилу, не может быть непосредственным объектом преступного посягательства, пока оно не найдет выражения в конкретно существующем благе

¹⁹ Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Книга 1. Учение о преступлении.

²⁰ Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Часть общая. – СПб.: 1886. – С. 49.

или интересе. Для преступного посягательства на такое право необходимо посягательство на проявление этого права»²¹.

Другой видный русский криминалист И.Я. Фойницкий несколько иначе подходил к решению проблемы объекта преступления. Не соглашаясь с пониманием объекта как конкретного блага или субъективного права, он считал, что собственно объектом преступного деяния «должны быть почитаемы нормы или заповеди, которые имеют своим содержанием известные отношения, составляющие условия общежития («не убей», «не покидай в опасности» и др.)»

Сам же Н.С. Таганцев считал, что объектом преступления всегда является юридическая норма в ее реальном бытии. Он писал: «Жизненным проявлением нормы может быть лишь то, что вызывает ее возникновение, дает ей содержание, служит ей оправданием – это интерес жизни, интерес человеческого общежития, употребляя это выражение в широком собирательном значении всего того, что обуславливает бытие и преуспевание отдельного лица, общества, государства и всего человечества в их физической, умственной и нравственной сферах. Жизнь общественная в ее индивидуальных и общественных проявлениях творит интересы и вызывает их правоохрану, в силу чего эти интересы получают особое значение и структуру, облекаются в значение юридических благ и как таковые дают содержание юридическим нормам и в то же время служат их жизненным проявлением, образуя своей совокупностью жизненное проявление правопорядка. При этом, обращая интерес жизни в правовое благо, право не только признает бытие этого интереса, не только дает ему охрану и защиту, но видоизменяет его в объеме, форме, иногда даже в содержании, сглаживая его частный, индивидуальный характер и придавая ему социальное, общественное значение. Таким образом, посягательство на норму права в ее реальном бытии есть посягательство на правоохраненный интерес жизни, на правовое благо. Такими правоохраняемыми интересами могут быть: личность и ее блага – жизнь, телесная неприкосновенность, личные чувствования, честь, обладание или пользование известными предметами внешнего мира; проявление личности вовне, свобода передвижения и деятельности в ее различных сферах; возникшие в силу этой деятельности известные отношения или состояния – их неизменяемость, ненарушимость; различные блага, составляющие общественное достояние, и т.п. Причем, конечно, не всякий интерес этих групп получает правоохрану, а только тот, который может иметь общественное значение. Охраняемые интересы могут иметь реальный характер – жизнь, здоровье, неприкосновенность владения, или идеальный – честь, религиозное чувство, благопристойность и т.д. Эти интересы могут принадлежать отдельному лицу, физическому или юридическому, или отдельным общностям, существующим в государстве, или всей совокупности общественных факторов, всему обществу, или, наконец, государству как юридически организованному целому. Правоохрана может относиться или к самому интересу, защищая его непосредственно от разрушения, уничтожения или изменения, или охрана может быть направлена на юридическое отношение лица к такому благу – охрана возможности и свободы владеть, распоряжаться или пользоваться таким благом или интересом»²². Из всей этой обширной цитаты можно сделать вывод о том, что Таганцев рассматривал в качестве объекта преступления частный интерес отдельных физических или юридических лиц, интересы общества и государства, выраженные в уголовно-правовом запрете и, следовательно, находящиеся под уголовно-правовой охраной.

²¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 31-32.

²² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 32-35.

В советской уголовной науке фактически отсутствовала дискуссия в определении объекта права. В послереволюционном уголовном праве взгляд на объект преступления как на охраняемые уголовным законом общественные отношения утвердился в качестве преобладающего. Так, еще в 1925 г. известный отечественный криминалист А.А. Пионтковский писал, что объектом всякого преступления являются общественные отношения, охраняемые аппаратом уголовно-правового принуждения. Авторы в основном критиковали дореволюционные теории, а также зарубежную уголовную науку, тогда как все, фактически, сходились в едином определении объекта преступления как общественных отношений (Б.С. Никифоров²³, В.Н. Кудрявцев, Н.И. Коржанский).

Следует заметить, что подобная трактовка объекта преступления не только научно обосновывалась, но и базировалась на достаточно прочном юридическом основании, поскольку руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. определяли преступление именно как «нарушение порядка общественных отношений, охраняемых уголовным правом».

Советские научные позиции сохраняют свою значимость и до сегодняшнего дня, и даже новейшие учебники уголовного права по большей части придерживаются данной концепции. Это имеет значение не только для отечественного уголовного права, но и для права стран СНГ. Так, например, в пособии по уголовному праву Украины указывается: «загально визнано, що об'єктом злочину завжди виступає те благо, якому злочином завдається реальна шкода чи створюється загроза заподіяння такої шкоди. В науці кримінального права найбільш визнаною є точка зору, згідно з якою об'єктом будь-якого злочину є охоронювані законом про кримінальну відповідальність суспільні відносини. Об'єктом злочинів є не будь-які **суспільні відносини** (етим термином обозначаются общественные отношения), а лише ті, які поставлені під охорону закону про кримінальну відповідальність»²⁴.

Современное состояние учения об объекте преступления в отечественной уголовно-правовой доктрине. В ранний постсоветский период наметился некоторый отход от однозначной трактовки содержания объекта преступления как общественных отношений. В немалой степени это объясняется политическим и организационным крахом КПСС и связанной с ней долгое время коммунистической идеологией.

В первую очередь, пожалуй, следует выделить позицию профессора А.В. Наумова, который в своем курсе лекций и в учебнике по Общей части уголовного права высказал мнение о том, что теория объекта преступления, как общественного отношения, «срабатывает» не всегда и, следовательно, не может быть признана универсальной теорией²⁵. В качестве альтернативы он предложил возможность возвращения к теории объекта, как правового блага. Если обратиться к другим работам А.В. Наумова, в частности комментарию к УК РФ, то можно найти такое определение объекта преступления – это «интересы, охраняемые уголовным законом»²⁶.

Позицию, близкую к позиции Наумова, занял С.В. Бородин. Однако предлагаемые автором толкования объекта преступления конкретных составов преступлений могут, пожалуй, вызвать только недоумение. Так, комментируя положения ст.

²³ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960. С. 28.

²⁴ Кримінальне право України: Загальна частина: Підручник для студентів юрид. спец. вищ. закладів освіти / М.І. Бажанов, Ю.В. Баулін, В.І. Борисов та ін.

²⁵ Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – М., 1997. – С. 91-92.

²⁶ Постатейный Комментарий к УК РФ 1996 г. / Под ред. А.В. Наумова – М.Норма. – 1997.

105 УК РФ, автор указывает буквально следующее: «объектом убийства является жизнь человека, которая состоит не только из биологических процессов, но и включает общественные отношения, обеспечивающие жизнедеятельность человека и охраняющие его жизнь»²⁷. Сама по себе постановка вопроса о том, что объектом убийства является жизнь человека, еще требует серьезного обоснования. Указание же на общественные отношения, как часть жизни наряду с биологическими процессами, вообще представляется абсурдным.

Появилась и совсем необычная трактовка объекта преступления. Так, по мнению авторов учебника по Общей части уголовного права, объект преступления – «тот, против кого оно совершается, т.е. отдельные лица или какое-то множество лиц, материальные или нематериальные ценности которые, будучи поставленными под уголовно-правовую охрану, подвергаются преступному воздействию, в результате чего этим лицам причиняется вред или создается угроза причинения вреда»²⁸. Данная точка зрения получила развитие в революционной монографии Г.П. Новоселова. Автор отмечает: не только объектом каждого преступления, но и каждым из объектов многообъектного преступления выступают люди – индивиды или их малые или большие группы (объединения). И в этом плане так называемых беспосредственных преступлений не существует в принципе, по определению, речь идет о тех из них, которые не причинили реального вреда, хотя при определенных условиях могли его причинить²⁹. С такой позицией соглашается И.Я. Козаченко, отметивший, что данное положение следует признать обоснованным, так как в любом случае причиняется или создается угроза причинения вреда ни чему-то (благам, нормам права, отношениям, интересам и т.п.), а кому-то, и, следовательно, как объект преступления нужно рассматривать не что-то, а кого-то³⁰.

Компромиссную позицию занимают авторы курса уголовного права издательства Московского университета. В целом соглашаясь с позицией А.В. Наумова в том, что концепция объекта преступления не может в полной мере охватить всё многообразие объектов преступления, авторы предлагают такое определение понятия объекта преступления: «Таким образом, объект преступления – это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо, совершающее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен существенный вред»³¹. Указанная позиция удобна тем, что само по себе понятие ценности может быть наполнено самым разнообразным содержанием.

Какими же общими недостатками страдают все рассмотренные теории, определяющие понятие объекта преступления? Во-первых, указанные теории попросту игнорируют логико-правовую природу состава преступления. В самом деле, как какие-либо реально существующие явления могут быть составной частью состава, который, как не крути, является всего-лишь схемой, системой признаков?

Критикуя авторов концепции «состав преступления – законодательная модель», Н.Ф. Кузнецова указывает: «Обращает на себя внимание очевидная непоследовательность сторонников состава как «законодательной модели» и «науч-

²⁷ Постатейный Комментарий к УК РФ 1996 г. / Под ред. А.В. Наумова – М. Норма. – 1997. С. 123.

²⁸ Уголовное право. Общая часть. Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. М., 1997. – С. 135.

²⁹ Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. – М.: Норма. – 2001.

³⁰ В предисловии к изданию: Новоселов Г.П. Указ. соч.

³¹ Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении Кузнецова Н.Ф., Тяжкова И.М. – М., 1999. – С. 202.

ной абстракции». При переходе к анализу подсистем состава – объекту, субъекту, объективной и субъективной сторонам они напрочь забывают о «моделях» и «абстракциях». Никто и никогда не пишет, что, например, объект преступления – не реальное социально-правовое явление в виде правоотношений и правоохраняемых интересов личности, общества, государства, а «законодательная модель» либо «научная абстракция». То же происходит и в Особенной части учебников и комментариев УК³². Однако вряд ли можно назвать последовательной позицию самой Н.Ф. Кузнецовой, которая предлагает рассматривать «реальное социально-правовое явление» элементом системы признаков.

Итак, какие мы можем сделать выводы? Объект преступления как элемент состава преступления – всего лишь набор признаков, характеризующих охраняемые уголовным законом ценности, которым причиняется ущерб в результате совершения общественно-опасного посягательства. Исходя из этого, необходимо отразить в структуре курса уголовного права это отличие, изучая объект преступления за пределами состава преступления и четко различая объект – как ценность и объект – как элемент состава преступления, который есть всего лишь отражение реально существующего объекта. Во-вторых, необходимо по-иному расставить приоритеты в исследовании содержания объекта преступления.

В самом деле, рассмотрение охраняемых уголовным законом ценностей исключительно через призму объекта преступления может привести к парадоксальному выводу, что эти ценности значимы не сами по себе, а исключительно как «жертва» преступных посягательств. На первое место должен быть выдвинут объект уголовно-правовой охраны, просто в силу того, что данное положение в наибольшей степени соответствует реальному положению вещей. Кроме того, сам уголовный закон на первое место ставит именно данный вид объекта.

³² Там же. – С. 176.